

Ли Аньле так сильно кашлял, что у него болели легкие, он тяжело дыша, прислонился к краю кровати. На лбу выступил пот, но гнев в его глазах ничуть не померк.

Ли Аньле взглянул на осколки стекла, разбросанные по земле, затем внезапно улыбнулся и сказал: «Подними их».

Хэ Ланьлин опустил глаза и ничего не ответил.

«Я говорю тебе, собери весь этот хлам», — подчеркнул Ли Аньле. «Поднимай его руками, ни одного осколка нельзя оставлять».

Хэ Ланьлин молча присел на корточки, и как только его кончики пальцев коснулись острых краев, он порезался и пошла кровь.

Капли крови мгновенно появились и капали на фрагменты золотой фольги, но Хэ Ланьлин даже не нахмурился и продолжил собирать их один за другим.

«Почему ты так тянешь время? Ты ещё не поел?»

Лишь после того, как последний осколок стекла положили в пустую миску рядом с ним, Хэ Ланьлин медленно поднялся. Его руки были в крови, а в ранах застряли мельчайшие осколки стекла — поистине ужасающее зрелище.

«Господин, я закончил их собирать». Голос Хэ Ланьлина был таким спокойным, словно он говорил о чем-то незначительном.

Глядя на эти руки, гнев Ли Аньле вспыхнул еще сильнее, чем прежде: «Ты сделал это специально, не так ли?! Кого ты пытаешься этим впечатлить?!»

Хэ Ланьлин, чья раненая рука безвольно свисала, и с нее все еще капала кровь, сказал: «Этот подчиненный не посмеет».

«Неужели ты не смеешь?» — сердито рассмеялся Ли Аньле. «Чего тебе бояться? Ты смеешь даже ослушаться моих приказов, что это за мелкая обида?»

«Господин, пожалуйста, успокойте свой гнев». Хэ Ланьлин поднял глаза. «Я всего лишь выполнял ваши приказы».

В его тоне не было ни обиды, ни негодования, только почти непреклонное послушание.

Ли Аньле заметил кровь, сочащуюся из его рук, и вдруг раздраженно закричал: «Чжии! Чжии!»

Чжии вбежала внутрь и вздрогнула, увидев руку Хэ Ланьлин.

«Иди и принеси мне эту „мазь нефритовой росы“!» — раздраженно сказал Ли Аньле. — «Это та самая, которую мне в прошлый раз дал дядя!»

Чжии не смела задавать больше вопросов, развернулась и убежала, вернувшись через мгновение с маленькой позолоченной фарфоровой бутылочкой.

Ли Аньле рванул пробку, и из горлышка потянулся горьковатый лекарственный аромат. Он грубо схватил Хэ Ланьлина за запястье и, не разбираясь, выплеснул мазь на рану. Холодная, липкая субстанция, смешавшись с кровью, потекла в рану.

Хэ Ланьлин застонал, но Ли Аньле, казалось, не обратил внимания. Сосредоточенно, даже не удосужившись удалить осколки стекла, вросшие в кожу, он втирал лекарство в ладонь. В этот момент Ли Аньле искренне желал исцелить раны Хэ Ланьлиня. Однако, выросший в уединенном дворце, в неге и заботе, он никогда прежде не занимался подобной кропотливой работой.

«Это подарок от моего дяди, императора. Другую такую бутылочку во всей столице не сыщешь, — пробормотал Ли Аньле, но невольно ослабил хватку. — Было бы расточительно отдавать её тебе. Помни, я люблю тебя больше всех. Будь это кто-то другой, его бы выкинули и растерзали. А ты — особенный».

Нанеся лекарство, он небрежно схватил чистый платок, обмотал им руку Хэ Ланьлиня и завязал кривой узел. Выглядело это крайне неаккуратно, но ему было лень что-либо исправлять.

Где-то за окном начался густой снегопад, а в теплой комнате ярко горел угольный мангал. Ли Аньле вдруг хлопнул по кушетке рядом с собой: «Подойди сюда и приляг со мной ненадолго».

Хэ Ланьлин не шелохнулся.

«Что? Я что, должен тебя уговаривать?» — Ли Аньле сердито впился в него взглядом. — «Тебе не холодно? Иди сюда, согрей меня».

Хэ Ланьлин, поколебавшись, лёг, выдержав полуметровое расстояние, не смея прикоснуться. Ли Аньле, однако, не знал покоя: он подползал всё ближе, неосознанно прижимая к нему свои ледяные руки и ноги.

«Неужели на Севере так много снега?» — внезапно спросил Ли Аньле.

Хэ Ланьлин промолчал.

«Говори! Я тебя спрашиваю!»

«Да. — Хэ Ланьлин немного помолчал, затем тихо произнес: — На Севере снега еще больше, он может засыпать лошадь по брюхо».

«О», — отозвался Ли Аньле и снова замолчал. Спустя время он опять спросил: «И что же вы едите зимой? Там так же много вкусной еды, как в Чанъане?»

«...Там есть вяленое мясо и крепкий алкоголь».

«Крепкий алкоголь? Он хороший?»

«Крепкий алкоголь...»

По мере того, как они беседовали, голос Ли Аньле становился всё тише, а дыхание постепенно выравнивалось.

Хэ Ланьлин повернул голову, чтобы посмотреть на спящего. Лунный свет, проникавший сквозь окно и падавший на его лицо, делал его более податливым, чем днем. В его свете хоу выглядел совсем еще, как ребенок.

Хэ Ланьлин тихо вздохнул, позволив ледяным рукам и ногам другого человека прижаться к себе и найти уютное положение в его объятиях.

Хэ Ланьлин подождал, пока дыхание Ли Аньле не выровнялось окончательно, прежде чем осторожно высвободить обнимающие его руки и ноги. Он двигался очень бережно, боясь разбудить человека на кровати.

Едва переступив порог покоев, он столкнулся с Чжии, которая дежурила ночью и сейчас зевала. Увидев его, Чжии тихо воскликнула: «О боже! Молодой господин Хэ, что тебя сюда привело?»

Хэ Ланьлин спокойно ответил: «Он крепко спит».

Увидев окровавленный платок на руке Хэ Ланьлина, Чжии торопливо сказала: «Не стой здесь! Тебе нужно немедленно снова обработать руку! Хоу даже не удалил все осколки стекла, когда обработал рану!»

Чжии потащила его в небольшую боковую комнату, на ходу болтая: «Пойдём со мной скорее, у меня там есть отличное лекарство для ран. Как только перевяжем, возвращайся. А вдруг хоу проснётся посреди ночи и не найдёт тебя? Завтра он может очень рассердиться, и тогда ты пострадаешь».

В небольшой боковой комнате Чжии осторожно, пинцетом, извлекала осколки стекла из ладони и вздохнула: «Молодой господин Хэ, пожалуйста, не принимай близко к сердцу. Наш хоу всегда был капризным человеком во дворце и в своем особняке с самого детства. Он может быть немного нетерпеливым и вспыльчивым, но в душе он не плохой человек».

Чжии налила немного вина в дезинфицирующее средство и сказала: «Возьми, например, эту нефритовую росу. Это подарок Его Величества в прошлом году. Она специально предназначена для лечения всевозможных наружных ран. Хоу очень дорожит ею. Обычно он хранит её в запертой шкатулке из камфорного дерева. Тот факт, что он достал её сегодня для тебя, говорит о многом...»

Чжии сделала паузу, словно тщательно подбирая слова, и наконец просто улыбнулась и сказала: «Совершенно очевидно, что он относится к тебе как к своему».

Она быстро обмотала руку повязкой и завязала аккуратный узел: «Таков уж хоу. Когда он злиться, ему всё равно, но он забывает о своих обидах, как только отворачивается».

Хэ Ланьлин опустил глаза, слушая, как Чжии долго и нудно рассказывает о том, какой хороший Ли Аньле. В её словах не было ни капли пренебрежения, только та близость и защита, которую она испытывала, служа ему с детства. Казалось, высокомерие и раздражительность ее господина были безобидными маленькими причудами.

«Пожалуйста, не принимай это близко к сердцу», — искренне сказала Чжии. — «Хоу быстро вспыскивает гневом, но так же быстро утихает. Он забудет об этом после хорошего ночного сна. Если ты останешься здесь, он проснётся ночью и не увидит тебя, и обязательно снова начнёт ворчать. Возвращайся сейчас же, хорошо?»

Хэ Ланьлин на цыпочках вернулся во внутреннюю комнату. Ли Аньле крепко спал на кушетке, уткнувшись лицом в парчовое одеяло, виднелся только его лоб.

Хэ Ланьлин только что улёгся на край кровати, когда человек рядом с ним внезапно пошевелился и пробормотал тяжёлым, тягучим голосом: «Куда ты делся?»

Хэ Ланьлин вздрогнул и прошептал: «Я ходил в уборную».

Ли Аньле не открыл глаз, но нахмурил брови. Он протянул руку, схватил его за бок, затем потянул за рукав и сказал: «Ложись скорее, холодно».

Не успел Хэ Ланьлин прилечь, как он уже обвился вокруг него, словно осьминог, прижимая свои ледяные лапы прямо к его икрам.

Хэ Ланьлин на мгновение напрягся, но в конце концов расслабился, позволив ему пододвинуться очень близко и даже дышать ему в шею.

Вокруг его носа витал слабый лекарственный запах, смешанный со сладким, приторным ароматом, который Ли Аньле всегда наносил.

Спустя мгновение дыхание рядом с ним снова стало долгим и ровным; Ли Аньле, вероятно, снова заснул.

Хэ Ланьлин некоторое время разглядывал узоры на потолке, пока небо за окном не начало светлеть, после чего постепенно закрыл глаза.

На рассвете Чжии тихо внесла медный таз, накрытый отжатой горячей тканью.

Увидев, что Хэ Ланьлин уже проснулся и сидит на краю кровати, свесив ноги, она быстро подкралась и прошептала ему на ухо: «Молодой господин Хэ, пожалуйста, не издавайте ни звука. Хоу становится раздражительным, когда просыпается. Если ты расстроишь его сейчас, у тебя будут большие неприятности».

Хэ Ланьлин кивнул и уже собирался встать, когда Ли Аньле, лежавший на кровати, внезапно зашевелился.

Юноша медленно проснулся, глаза его были полуоткрыты. Он на мгновение застыл прежде чем увидел человека у кровати. Внезапно его охватила ярость, и он пнул Хэ Ланьлина. Но он был слаб, только что проснувшись, а Хэ Ланьлин сидел неподвижно. Удар пришелся как щекотка, даже не заставив его пошатнуться.

«Убирайся отсюда!»

Хэ Ланьлин молча поднялся, и мысль о том, что он "непредсказуемый", вновь всплыла в его сознании.

Половину ночи он крепко спал, обнимая его, но как только рассвело, повернулся к нему спиной.

«Господин, пора умыться». Чжии, привыкшая к таким сценам, с улыбкой шагнула вперед, чтобы помочь Ли Аньле. «Горячая вода свежая, быстро умывшись, вы почувствуете себя отдохнувшим».

Ли Аньле не двигался. Он некоторое время сидел на краю кушетки, погружённый в свои мысли. Его взгляд скользнул по руке Хэ Ланьлина, свисавшей вдоль тела. Внезапно он поднял глаза и сказал Чжии: «Отложи это пока».

Затем он обратился к Хэ Ланьлину: «Тебе следует позже обратиться в Императорскую лечебницу на обследование, чтобы избежать застарелых проблем».

После минутного молчания Хэ Ланьлин сказал: «Императорская лечебница... не будет лечить

травмы заложника».

Он был заложником, посланным с Севера, и в Чанъане был всего лишь номинальным главой. Сотрудники Императорской лечебницы избегали его, если видели, не говоря уже о том, чтобы относиться к нему искренне.

Ли Аньле нахмурился, затем внезапно потянулся к изголовью и вытащил из угла нефритовый кулон.

Это был теплый белый хэтяньский нефрит с выгравированной на нем иероглифом «мир», явно не обычный предмет.

Ли Аньле небрежно бросил кулон в руки Хэ Ланьлина: «Возьми это с собой».

«Это был подарок от Его Величества; каждый во дворце должен отнестись к нему с должным уважением».

Ли Аньлэ приподнял подбородок, его тон был несколько безразличен: «Неужели эти старики из Императорской лечебницы не сумеют должным образом вылечить твои раны? А кто бы ни усложнял тебе жизнь или ни причинял страдания раньше, можешь мстить. Делай с ними все, что хочешь. Если что-то пойдет не так, я, хоу, возьму на себя ответственность».

Сказав это, он махнул рукой и снова посмотрел на Чжи: «Подойди сюда и помоги мне умыться».

<http://bllate.org/book/17608/1641652>